

«СВОБОДНАЯ ВЕЩЬ» САШИ КРУГОСВЕТОВА

Меня вдруг не на шутку заинтересовала личность молодого писателя Саши Кругосветова и его сочинения.

Молодому писателю 78 лет. Саша Кругосветов родился в страшном 1941 году. Как говорится, гремела война. Мать родила его в городе Галич Костромской области по пути из Питера в эвакуацию.

Типичный «шестидесятник» — физик, костер, романтика, КВН, знал Бродского, Рейна, читал «самиздат». Был чемпионом Ленинграда по академической гребле, много лет занимался боевыми единоборствами. И такая увлеченность спортом ничуть не помешала автору написать три докторские диссертации, стать заслуженным изобретателем СССР, у которого двадцать семь авторских свидетельств. Строил ракеты. Засекретили. Рассекретили. Опубликовал более сотни научных трудов. В новые времена стал предпринимателем. Вращался в блестящем обществе бандитов и ментов. Изъездил полмира.

Мне кажется, что у него всегда водились денежки, он пишет о них легко, и его персонажи не тяготеют их отсутствием. Только так и можно жить в России. Россия

устроена так, что на бутылку всегда найдешь, а закуска не обязательна.

Подобная личность не может не заинтересовать литератора любого возраста. Описание длинной жизни этой личности спокойно тянет на роман, десяток повестей, добрую сотню рассказов и мемуары.

Но Кругосветов не стал дожидаться, когда о нем напишут. А сам еще в 2010 году взялся сочинять и печататься. Тогда он и стал Кругосветовым, а до этого носил какую-то другую фамилию, до чего мне нет дела. Физика, ракеты и предпринимательство меня не интересуют, политика — тоже. Писательство — вот это дело, если ты это дело умеешь делать.

Кругосветов умеет. Он выпустил более десятка книг с интригующими названиями *«Остров Мория. Пацанская демократия»*, *«Сжечь мосты»*, *«А рытаться все равно надо»*.

Я внимательно прочитал его роман-автобиографию *«Сто лет в России»* и полностью согласен с ее финальными строками *«Для меня это большая честь — родиться и жить в России. Я доволен ста годами, прожитыми здесь»*.

Действительно, я, как и он, «другой такой страны не знаю», а вы уж трактуйте мои слова, как вам захочется.

Страны с ее четырьмя революциями, ГУЛАГом, космосом, Волгой, Сталиным, Сахаровым, Шаламовым, БАМом, Шостаковичем, Брежневым, Ахматовой и Ахмадулиной.

И вот — *«Счастье Кандида»*. Роман, который только ждет читателя, и читатель, надеюсь, ждет *такой* роман.

Роман-то необычный.

И очень, очень энергичный.

Получилось в рифму, ну и хорошо.

Роман, сочетающий юношескую писательскую наглость с житейским опытом всё повидавшего советского человека.

А ведь все мы навсегда советские люди, включая лихих авангардистов, родившихся после 1991 года, и Далю Грибаску, комсомолку, вдруг ставшую Президентом маленькой прибалтийской страны.

В прозе Кругосветова незримо присутствует чужое. Другое, но родное, усвоенное, разношенное, как старые подшитые валенки. Название Кругосветова «100 лет в России» аукается с «200 лет вместе» Солженицына.

Кругосветов вспоминает, как его отца в детстве именовали «жиденком», пока он не научился бить морды лучше любого слободского русского хулигана.

Читал я с удовольствием. Признаться, надоели мне:

- чернуха;
- высоколобая тягомотина;
- мэйнстрим с прицелом на «Букера» и «Большую книгу»;
- деревенский авангардизм;
- пластмассовая одноразовая попса, выдающая себя за «креативную литературу»;
- гордыня, уныние и другие смертные писательские грехи.

Понимаете, все это есть и в романе Кругосветова, но, подобно ирландскому рагу, в такой правильной пропорции, что приготовленное им блюдо является не только съедобным, но и вкусным.

Понимаете, я столько навидался за свою жизнь умелых *профессиональных* литераторов, что сейчас их тексты кажутся мне генно-модифицированными яблоками из супермаркета. Одинакового размера, матовые, негниющие, безвкусные.

Кривые яблочки Кругосветова — это именно то, что сейчас нужно. Да, так писать нельзя, но нужно.

Кругосветов очень талантлив. У менее талантливого получилась бы графомантина. Ну, в самом деле — выдуманная фábула, постмодернистские преувеличения и условности.

Нищенка-бомжиха знает четыре языка. Юное привлекательное существо и одновременно — старуха-«смолянка», всю жизнь скрывающаяся от большевиков, рядовой гений Шародей умеет делать компьютеры из любых подручных предметов и веществ.

Но автор знает жизнь и в деталях не ошибается. Всё прощупал, всё продумал, и то, что он пишет, это не записные байки, услышанные в питерском «*Saigone*», что практиковали его более именитые коллеги, которых в отличие от Кругосветова знали все — сначала в Питере, потом в стране и, наконец, во всем мире.

Но и Кругосветов не прост. Это его персонаж — наивный Кандид, а сам автор земной человек, видел многих будущих знаменитостей, общался с ними. Не случайно один из главных персонажей романа — вылитый легендарный питерский композитор Олег Каравайчук, тени Юрия Темирканова, Давида Голощекина, Вячеслава Полунина — полноправные персонажи нового «Кандида».

То-то будет радости грядущему литературоведу писать кандидатскую про емкого постмодерниста Кругосветова!

А по мне так никакого постмодернизма нет, равно как и соц., крит. или кап. реализма.

Или есть писатель. Или его нет. Точка.

А если литератор действительно есть, то он свободен и может делать всё, что ему заблагорассудится.

Описывать древнеримских педерастов, как Петроний.

Писать лесенкой, как Маяковский.

Занудствовать, как Пруст.

Сходить с ума, как Джойс.

Сурово карать грехи человечества, как очнувшийся от беспутной юности Лев Толстой.

Витийствовать, как Достоевский.

Подражать, кому хочется, понимая, что от подражания до дразнилки один шаг и сделавший этот шаг обретает собственный стиль.

И Кругосветов этот шаг сделал.

Человек, более эрудированный, чем я, конечно же, определит, что многое у него от Бориса Виана, который поразил нас в конце 70-х не меньше Андрея Платонова или Набокова. Сладкая питерская парочка — Альберт Виан и Борис Эйнштейн — все это от автора *ПЕНЫ ДНЕЙ* (в переводе Лилианы Лунгиной) и персонажа по имени Жан-Соль-Патр. Догадались кто это на самом деле?

И от Виана оживляж предметов, включая расширяющуюся, как Вселенная, подвальную жилплощадь.

А вот Ленин — гриб, это от юного Сергея Курехина, который уж не ученик ли Виана?..

Преуспевающий адвокат — не Генри ли Резник?

А цитата из Олеси — это цитата из Олеси?

«Песнь песней» — всерьез, на самом деле?

Хайдеггер...

Покойный премьер Черномырдин говорил, что он не матерится, а матом разговаривает. Кругосветов не демонстрирует ученость, а спешит поделиться с читателями радостью обретения чужих качественных слов и своими словоизобретениями.

Не мне гадать, надолго ли хватит *«Кандида»* или это скоропортящийся продукт.

Знаю, что здесь замечательно фиксируется время *моей*, а не *этой* страны, в которой вечно пляшут и поют, воруют и строят, изобретают и колобродят.

Время, *«когда начальство ушло»*, оставив интеллигентное население в чаемой им свободе, обернувшейся нищетой, разрухой и бардаком, что дало отдельным творческим личностям вроде Кругосветова уникальную возможность

лепить из подручного говенного материала самые фантазмагорические композиции.

«Свободная вещь» — так, по воспоминаниям современников, реагировал великий Андрей Платонов, услышав какую-нибудь нелепую малодостоверную историю из окружающей его жизни. Например, о том, что крестьянка из соседней деревни родила от коммуниста чёрта.

Все, что описывает Кругосветов, происходит на самом деле, только мы этого не замечаем, ибо «ленивы и нелюбопытны». Менты породнились с ворами, олигархи рехнулись окончательно, коммунизма не будет.

Но «в России по-прежнему интересно жить», — утверждает Кругосветов.

И он не одинок. Замечательные русские писатели Анатолий Гаврилов из Владимира, красноярец Эдуард Русаков, иркутянин Анатолий Байбородин, Денис Осокин из Казани да, пожалуй, и Саша Соколов (USA) — вот его компания.

Идеология здесь не причем. Настоящий писатель холоден к любой идеологии. Это персонажи пусть сражаются, пытаюсь исправить несправедливость, путем вырывания, например, сердца Данко, чтобы им осветить путь заблудшему человечеству, как это сочинил сентиментальный друг Ленина Максим Горький.

«Мне нравится этим заниматься, — говорит Саша Кругосветов. — Не заставляю себя, тексты не вымучиваю».

Он прав. Только так и можно остаться писателем в нашей стране, — думал я, читая «Кандида». А еще здесь, в этой книге, злобы нет, которой напитано, как кровью покойника, всё наше существование. *«Да, это прелестная мирная жизнь, от которой мы совсем отвыкли».* Цитата.

Евгений Попов

23.07. 2019

«КВАРТИРА» ДЛЯ КЕНТА

Теплая осень доживала последние дни, Кент решил перебраться в город.

Облюбовал большой, просторный двор. Даже не двор, а широкий, озелененный проезд — машины могут въезжать с Кирочной, а выезжать через длинную арку на Кавалергардскую.

Кент давно присмотрел этот дивный уголок — здесь есть несколько выделенных мест для мусорных бачков и пара уличных кранов, которые летом дворники используют для мытья тротуаров и полива растений. Так что для не особо взыскательных найдется пропитание, есть и в некотором роде гигиена. Распишитесь в получении — туалет и ванна в одном флаконе. Осталось немного — подыскать теплое место для ночлега.

Рядом с аркой прилепился магазин канцелярки и сувениров с огромной витриной и с парадной дверью на Кавалергардскую — массивные дубовые рамы, тяжелые бронзовые ручки и перила с наворотами — все rispetабельно и солидно. Еще впервые попав сюда, Кент заметил, что парадный вход вровень с тротуаром, а черный выход во двор — на пол-этажа выше; проезд через арку при этом — без всякого наклона. Что бы это могло значить, искривление

пространства, что ли? Он теперь часто наблюдал такое — с тех пор как оказался на обочине новейшей истории. Жизнь его молодую поломали, искорежили — похоже на то, что и пространство вокруг него поехало от огорчения. Оно, пространство это, тоже, видимо, переживало за судьбу молодого и недооцененного обществом гражданина Российской Федерации.

К черному входу магазина вела сваренная из труб лестница, под ней в приямке пряталась потайная дверь — волшебная дверца Буратино, не иначе, — из листового металла и с навесным замком. Раз дверь, значит, и помещение имеется. Специально для него приготовленный подвальчик.

Летом Кент как бы невзначай забрел в магазин. Он уже тогда сообразил про подвал. А зашел вроде за тем, чтобы детскую игрушку купить. Ходил-ходил вдоль прилавка, а потом спросил:

— Чего это у вас парит будто, аж стекла запотели? Да и обои набухли или типа того.

Продавщица ему отвечает — так примерно:

— Ой, замучили нас трубы в подвале. Отопление на весь микрорайон рассчитано, так они зачем-то именно через наш подвал повели. Вечно трубы прорывает, а у нас товар раньше времени в негодность приходит. Особенно бумага. А вам-то, собственно, какое дело? — спохватилась она. — Зачем вы сюда пришли, интересно, — того и гляди, как бы чего не прихватили ненароком. Покупайте что-нибудь или уходите, а не то милицию позову.

А Кент ей преспокойно отвечает:

— Я пришел сюда, чтобы куклу ребенку купить — на день рождения, знаете ли. А раз вы столь грубо мне отвечаете, я, пожалуй, ничего и не буду у вас покупать. И деньги мои вам не достанутся. В другом месте куплю, где со мной

по-другому говорить будут. Не посмотрят, что у меня спортивный костюм, может, на ваш взгляд и не очень новый, и кроме того — еще бейсболка и рюкзак. А не костюм с галстуком и кэйс типа «дипломат», к примеру. Так я в следующий раз приду к вам в другом прикиде, и вам очень даже обидно будет, что прошлый раз вы не захотели достойно меня обслужить. Еще просить будете, чтобы я купил что-нибудь, а я развернусь и уйду. Что, впрочем, и сейчас кажется мне вполне уместным поступком.

Кент именно так ответил этой некультурной продавщице и действительно развернулся и ушел — причем с самым независимым видом. Как сказал, так и сделал. А сам подумал: «Так-так. Подвальчик мой, значит, отапливается неплохо, — он уже тогда считал этот подвальчик своим. — Пусть будет влажно, зато тепло. Всяко лучше, чем зимой на морозе окочуливаться».

Это было месяца три назад. А сейчас он — бывший предприниматель, а ныне гражданин без определенного места жительства и без определенных занятий, короче, бомж по кличке Кент — со всем своим немудреным скарбом приехал сюда, чтобы заселить, наконец, свою будущую жилплощадь.

Замок срезать, конечно, нельзя. Новый повесят. А то и займут «жилплощадь» какие-нибудь совсем уж непрошенные гости. При наступлении холодов желающих потеснить его в теплом, уютном гнездышке или вообще выгнать куда подальше будет предостаточно. Просто надо как-то научиться попадать внутрь, не открывая двери.

Кент устроился в приямке. Осмотрелся: все спокойно, его здесь со двора не заметят. Достал небольшую фомку, подsunул под дверь и отогнул угол металлического листа. Примерился: «Голова пройдет, значит, и весь пролезу. Благо,

скудное довольствие клошара к полноте не располагает». Продавил рюкзачок внутрь помещения, а потом и сам осторожно протиснулся в щель двери.

Здесь действительно было тепло — видимо, отопление уже включили — и, увы, совсем темно.

Молодец Кент! Все предусмотрел, вплоть до самых мелких мелочей. Подготовил прекрасный, надеваемый на лоб фонарь с резинкой. На помойке нашел. Шародей починил светильник спелеолога — теперь все работает. Слава Великому Шародею! Шародей — нечто среднее между «*Фарадеем*» и «*Чародеем*». В электричестве — бог, потому и «*Фарадей*», а для друзей — настоящий «*Чародей*».

Так, так. Пол бетонный, сухой. Надо бы придумать что-то поэкологичней, но это потом. Помещение не из высоких — придется наклоняться, чтобы не разбивать голову о потолок. А в самом конце — видимо, под входом в магазин — и вообще, сантиметров восемьдесят, не больше. Там как раз и проходят две трубы центрального отопления, обмотанные чем-то мягким. Кент потрогал — вполне себе теплые, уложил на них старое ватное одеяло, — чем не лежанка для непритязательного бомжа? Здесь и высота особо не требуется. В общем, помещение подходящее. Обживать территорию придется постепенно, шаг за шагом.

Прилег на образовавшуюся лежанку. Нет, пожалуй, все-таки низковато. Поворачиваться неудобно. Кент вытянулся на спине, подобрал к животу колени, уперся ими в потолок. Перекрытия неохотно уступили его давлению, и потолок приподнялся вверх. Вот теперь нормально. Труха, правда, посыпалась. Удивительно, как это у него получилось? — подумал он. В магазине наверху пол, наверное, вспучился. Вот он перст судьбы — высшие силы именно так позаботились об этих магазинщиках. По заслугам,

кстати, — в наказание за неумное и нетактичное поведение с посетителем по кличке Кент.

А теперь в его «спаленке» очень неплохо. Гораздо свободнее стало. Здесь можно и с девушкой покувыркаться в случае чего. Только кто теперь согласится с ним на такое? А те, кто знал его в лучшие времена... Тем вообще не стоит звонить, они, наверное, на прослушке, менты засекут — тогда уж точно конец вольной жизни бомжа. Ему теперь никто не позвонит. Сменил симку — можно сказать, начал новую жизнь. Скорей всего, не самую лучшую. Пусть хоть такая свобода, чем вслед за мамой загреметь в места не столь отдаленные, а потом и вообще...

Кто теперь его круг общения? Несколько товарищей по несчастью — Шплинт, Сява... Но для них он бомжара без прошлого, просто Кент и больше ничего — без прошлого, но и без будущего. Есть, правда, пара друзей по прежней жизни, которым он доверяет больше, чем самому себе — Румб и великий Шародей, бывший сосед по Мошкарово. Теперь у Кента именно такой, достаточно усеченный социум. Пока такой.

Нашел кабель, проложенный в углу между стеной и потолком. Достал специальный зажим с иголками и сделал два прокола. Присоединил к зажиму провод с лампой, оснащенной объемным датчиком, та сразу загорелась. Удобно. Пришел «домой» — есть свет, ушел — свет погас. Залез в нишу с трубами — вот тебе и темнота. Сделал еще один прокол и присоединил провод к электроодеялу. Все, с таким одеялом не замерзнешь. Даже если будут перебои с теплоснабжением.

Теперь надо сделать нормальный вход. Оставлять угол отогнутым никак нельзя. Дворник заметит, придет посмотреть, что случилось — как его тогда уговаривать? А если